

Тамара Каганович

Из тех, кто помнит мой город...

В этой истории нет ни капли вранья, все чистая правда, и разве что совсем немного фантазии, надежды и чуда – без этого в наше время никак нельзя!

В юном городе Одессе, всего год как официально образованном, однажды собрались местные евреи и решили организовать похоронное братство. Ибо в этом благословенном месте они хотели пустить корни, жить, плодить потомство и, когда время придет, ложиться в эту землю, чтобы их детям, внукам и правнукам было куда приходиться, вспоминать и класть свои камни. Одним из подписавших устав Похоронного братства стал некто Янкель Литвак – Аглицкий. Человеком он был не бедным, примерно в то же время получил во владение участок земли для постройки дома на будущей Ришельевской улице. Кто знает Одессу, тот поймет, что более козырное место в городе трудно найти.

Янкель дал начало нескольким многодетным ветвям семейства Аглицких. Крепко вросли в одесскую землю корни этого дерева. Так крепко, что казалось – навсегда...

В 1801 году у Янкеля родился сын Шломо, которого Бог награждает долголетием (Шломо Янкелевич Аглицкий дожил минимум до 1893 года). Шломо вместе с женой Рухлей родили сына Шмуля Лейба (Лейбаха), а уж тот подарил родителям целую толпу внуков – четырех девочек и четырех мальчиков. Один из сыновей, по имени Герш-Фроим, правда, крестился и принял протестантскую веру. Скорее всего, это было условием поступления в один из европейских университетов. Остальные дети получили образование в Одессе. Дочери вышли замуж, сыновья продолжили

дело отца, умершего в 1907 году. Самому младшему, Хаиму, достался магазин на Екатерининской, 26. Молодой человек, именовавший себя теперь Ефимом Львовичем, женился на Эне Гершевне Голяк и свою старшую дочь назвал Ребеккой в память о матери. Бизнес шел хорошо, Ефим, следуя советам отца, сделал ставку на печатную рекламу, которая, как известно, двигатель торговли. Благодаря этому мы теперь знаем, что торговало его предприятие мебелью, мануфактурой и даже льдом.

Свалившееся на страну стихийное бедствие в виде двух революций подряд разрушило счастливую и сытую жизнь, в том числе и одесского купечества. Ефим Львович вынужден был придумать себе новую биографию, по которой он – сын простых людей, не закончивший по бедности учебу. В Одессе купца Хаима Аглицкого все знали, поэтому он уехал в Иркутск, где несколько лет работал столяром. В архивах сохранились документы о том, что в 1930 году Ефим Львович Аглицкий оказался в числе лишенцев – в 1925-1929 гг. использовал наемный труд. И напрасно он доказывал, что «наемником» у него был всего только один человек, и то лишь на период, когда Ефим из-за болезни не мог самостоятельно выполнить уже принятый заказ. Как потом выяснилось, этот самый наемный рабочий и настучал на Ефима куда следует, создав бывшему хозяину массу проблем.

На практике это означало, что в молодом социалистическом обществе появилась своя «каста неприкасаемых», которые не просто не могли избирать и быть избранными, но лишались и прочих прав, а их детей не принимали в вузы. Дочь Хаима Рита так и не получила высшего образования, хотя об этом страстно мечтала – даже во сне видела себя идущей в институт. Средний сын Леонид (в семье его звали Тотка) и вовсе покатился по наклонной: неизвестно за какие дела уже при Хрущеве был осужден на смертную казнь и в 1957 году подавал прощение о помиловании. Суть преступления и решение Верховного суда пока нам неизвестны – не вышел срок давности в семьдесят пять лет.

Новая война опять смешала все в доме Аглицких. Но, видимо, так было задумано судьбой: именно в эвакуации Рита Ефимовна встретит будущего мужа и отца своих детей. Младшего сына назовет Ефимом – в честь деда Хаима. И именно об этом молодом

Ефим Аглицкий. Фото Е. Тищенко

человеке через пару десятков лет будет вместе с телевизором петь вся большая страна: «Не знали наши папы, не знали наши мамы, что дети непростые у них в семье растут...». Легендарный кавээнщик и ученый Ефим Валентинович Аглицкий ныне живет в США, что не мешает ему оставаться Одесситом. Да, именно так – с большой буквы.

Мой интерес к истории семьи Аглицких проснулся четыре года назад, когда на Староконке я купила фотоальбом медуна 1940 года – последнего мирного выпуска. Среди пяти-сот фамилий было немало легендарных одесских: Филатов, Жванецкая, Шевалев, Гешелин,

Гурвиц, Сыновец, Губарь, Авербух... и Аглицкий. Последняя фамилия была мне известна именно благодаря КВН. Не родственники ли этот профессор из альбома и тот самый Ефим Аглицкий? Может, дед и внук? Набралась наглости, нашла Ефима Валентиновича в соцсетях, написала. Оказалось, что нет, не родственники, и даже не знакомы. Но может ли быть такое, чтобы в одном городе обладатели далеко не самой распространенной фамилии не были родней? Тем более профессор внешне очень похож на одного из дядей Ефима. И вот начались поиски. За четыре года я узнала многое и о ветви Ефима Валентиновича, и о семье Семена Семеновича Аглицких.

«Симха» на иврите значит «радость», «счастье»! Так назвал своего младшего сына Шломо Абрам Ицков Аглицкий – уважаемый в городе человек, купец второй гильдии, торговавший мануфактурой. Это потом Симха станет Семеном, а пока он – единственный из всех детей в семье поступает сперва в Новороссийский

Семен (Симха) Аглицкий. Фото из семейного архива

университет, потом с 1907 по 1911 учится в Германии, в знаменитом техническом вузе города Карлсруэ, а с 1912 по 1918 – в Питере. По диплому он инженер-строитель, специалист по очистке сточных вод. Но позже защитит диссертацию и перейдет на работу в медицинститут, где возглавит специально созданную под него кафедру гигиены.

У Семена Семеновича было несколько братьев и сестер, судьбы которых я тоже старалась отследить. Если с сестрами было сложнее (они вышли замуж и сменили фамилии), то о братьях известно больше. Иосиф-Моше, Абрам, Ефим и Иоан в 1920-х гг. один за другим перебрались в Москву и на волне нэпа пытались построить заново свой бизнес. Конечно, они тщательно скрывали свое прошлое. Ведь перед самой ре-

волюцией Иосиф-Моше так поднялся на поставках мануфактуры для армии, что стал «миллионщиком» – купцом первой гильдии! С точки зрения советской власти, уже сам этот факт был преступлением. И в 1937 году, когда правда все же всплыла, Иосиф Шлемович и его сын Леон попали в лагерь Тайшет. Формально причиной ареста Леона – сотрудника московской газеты – было стихотворение, которое он якобы написал, критикуя в нем советскую власть. Пытались следователи выбить из него показания на коллег (об этом стоит написать отдельную статью, ибо коллеги – сплошь известные литераторы конца 30-х). Но Леон показаний не дал. Тогда припомнили ему происхождение, а заодно

ДИПЛОМЪ.

Окончившій курсъ наукъ въ *Киевско-Бучацкомъ политехническомъ училищѣ* *Таврической губернии*
Симхи Михайловича Аглицкаго

былъ допущенъ къ испытаніямъ на званіе гражданскаго инженера въ институтъ гражданскихъ инженеровъ **Инженеръ Николай**

Николай I, при назначеніи къ исполненію этой должности въ должности и утвержденія исполнять дипломный работу по *постройке железной дороги въ Закарпатской области*

Н а основании Высочайше утвержденнаго отъ 7-го мая 1864 года положенія объ институтѣ и особаго указа, ох-

важившаго на испытаніяхъ и на зачетѣ дипломныхъ работъ *офиціальнаго Служащаго*

удостоено допустить институту *Железнодорожному инженеру* съ правами производить работы по гражданско-строительной и дорожной частямъ, со всеми прочими правами, принадлежащими этимъ лицамъ, www.rosministry.gov.ru **Всѣмъ чинамъ**

В сѣдующее время дать имъ о зачетѣ института гражданскихъ инженеровъ **Инженеру Николаю** I въ настоящей дипломъ

С-ПЕТЕРБУРГЪ: 19-го *Сентября* 1918 года.

Директоръ *К. Косовъ*
Исполнитель *А. Мельникъ*
Члены Совета: *П. Шеллеръ, Н. Косовъ, А. Савельевъ, В. Кошаринъ, А. Яковлевъ*
Секретарь и Членъ Совета *В. Бондаревъ*
В. Смирновъ, К. Косовъ, А. Мельникъ

Диплом Симхи Аглицкаго

посадили и отца. Реабилитированы они были только в 1956 году «за отсутствием состава преступления», но кто из них дожил до этого, неизвестно.

А Семен Семенович, оставшись в Одессе, в 1917 году женился на Анне-Фриде Лазаревне Бухштаб – дочери известного в Одессе врача. Единственный их сын Владимир Семенович Аглицкий – герой-артиллерист, участвовал в обороне Москвы, воевал на Курской дуге, окончил войну в Германии, имел множество наград, среди которых ордена Красного Знамени, Революции, Отечественной войны и Александра Невского. После войны Владимир остался в Москве, а родители из эвакуации вернулись в Одессу, где и продолжили жить в своей дореволюционной, хотя и сильно «уплотненной» квартире. Анна Лазаревна преподавала английский, Семен Семенович профессорствовал в медицине. Как известно,

он изучал влияние сточных вод на прибрежную линию моря, принимал участие в исследованиях Нижнего Днепра, связанных со строительством Каховской ГЭС, работал над проблемами водоснабжения Николаева.

Профессор покинул этот мир в 1957 году, супруга пережила его более чем на двадцать лет. Это была последняя ветвь дерева Аглицких, оставшаяся в Одессе.

Сегодня потомки купца второй гильдии Аглицкого живут в России, Израиле и США и... ничего не знают друг о друге. Мои поиски дали им повод заново переизнакомиться. Тем, кто захотел.

А в Одессе остались только могилы.

Несколько поколений этой фамилии лежит на печально известном Втором еврейском. На Третьем обрели покой родные Ефима Валентиновича. Могилу профессора пришлось искать несколько лет. Я уже потеряла надежду. По негласному кладбищенскому правилу захоронение, за которым не ухаживают, через двадцать пять лет могут ликвидировать. А следить за могилой профессора в Одессе было некому уже около сорока лет.

Но вот тут и случилось первое чудо! В тех же соцсетях в одной из групп любителей генеалогии я познакомилась с человеком по имени Николай. Он тоже одессит, также собирает по крупицам историю своих предков. Мы разговорились, и я пожаловалась, что никак не могу найти могилу профессора. Я даже не знаю, на каком именно кладбище он лежит. Даже внуки не в курсе! Но Николай взялся помочь – и... могила нашлась! На том же Третьем еврейском!

Заброшенная, заваленная мусором, сквозь решетку ограды проросли деревья, по памятнику вился плющ. Но все же она была цела – та из немногих нитей, что связывает историю семьи

Могила С.С. Аглицкого

Могила С.С. Аглицкого: было – стало

первых одесских евреев с нашим городом. Оставить ее в таком состоянии после стольких лет поисков, после того, как Аглицкие стали мне почти родными, – так много я о них знаю! – это, как модно сейчас говорить, оставить гештальт незакрытым. К сожалению, прямые потомки профессора мою идею не поддержали. Наверное, у них есть на это причины – не нам судить. Но я была уверена, что профессор Аглицкий, известный на весь Союз специалист по гигиене, потомок одного из первых одесситов, заслуживает того, чтобы его могила была ухоженной. Потому что это же корни, а древо Аглицких в Одессе не должно превратиться в перекати-поле!

И я опять набралась наглости, и написала Ефиму. Без особой надежды – ведь это слишком дальняя его родня, и вообще... Но (чудо № 2!) Ефим Валентинович мгновенно ответил: «Поддержу! Нужны только руки в Одессе».

Просто здорово и очень символично, что мы успели все организовать накануне Песаха: Ефим из США – меценат, я из Германии – координационный центр, и мой новый знакомый Николай – те самые руки в Одессе.

Настоящая мицва получилась. Благое дело.

На своей страничке в Facebook Ефим Валентинович часто цитирует любимого поэта Юрия Михайлика, у которого есть просто провидческие строки:

Из тех, кто помнит мой город, остался лишь я один...

К счастью, в нашей истории все не так печально. Одессу мы помним. И держимся за нее корнями, хоть и не всегда сами осознаем это. Древо Аглицких, выросшее на этой земле, не погибло. Оно разбросало свои ветки по миру, чтобы молодые ростки укоренились в новой земле. У них это неплохо получается. Зато потом, когда проснется голос крови, и они потянутся в Одессу в поисках следов своей семейной истории, им будет что показать уже своим детям и куда положить свой камень.

